

УДК 821.111.09 – 31+929 Во

ОБРАЗ СВЯТОЙ В РОМАНЕ ИВЛИНА ВО «ЕЛЕНА»

М. С. Балашова

Саратовский государственный университет
E-mail: balashovams@gmail.com

В статье рассматривается образ главной героини католического романа известного английского писателя Ивлина Во «Елена» – святой Елены, которая воплотила в себе одну из ключевых тем творчества Во-католика – тему личного призвания.

Ключевые слова: Ивлин Во, мировоззрение и творчество, католицизм, св. Елена, предназначение.

The Image of a Saint in Evelyn Waugh's *Helena*

M. S. Balashova

The article offers an analysis of the main character in Evelyn Waugh's novel *Helena* as a representation of one of the key ideas for Catholic Waugh – the idea of a personal calling.

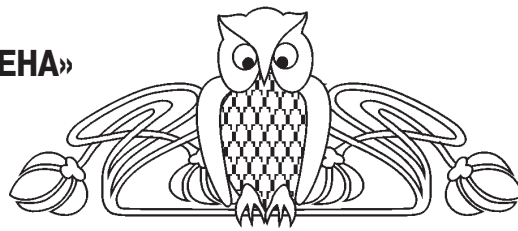
Key words: Evelyn Waugh, worldview and creative work, Catholicism, St. Helena, personal calling.

Первая публикация Ивлина Во в России состоялась в 1969 г.¹ За время, истекшее после знакомства русского читателя с его творчеством, в отечественном литературоведении при всем обилии работ о Во мировоззренческие основы его творчества чаще рассматривались с общественно-политической, нежели с религиозной точки зрения.

Конечно, упоминалось о том, что он католик, но католицизм Ивлина Во не становился предметом изучения. Соответственно, роман «Елена», посвященный религиозной тематике, был переведен последним из романов Во (в 2003 г.), а его биографии мученика за веру Эдмунда Кэмпбелла и священника Рональда Нокса до сих пор не переведены на русский язык.

Напротив, в английской критике, в родной для Ивлина Во культуре анализ его произведений начался с исследования католицизма². Биографы писателя всегда уделяли большое внимание тому, какую роль в творчестве Во играет его религиозное мировоззрение³.

В центре творчества Ивлина Во как католика находятся его романы «Возвращение в Брайдсхед» («*Brideshead Revisited*», 1945) и «Елена» («*Helena*», 1950). «Возвращение в Брайдсхед» – наверное, самое популярное как среди читателей, так и среди критиков произведение Во, вполне исследованное с точки зрения религиозной проблематики⁴. «Елена» – роман, который сам писатель считал лучшей своей работой, критиками был признан как незначительный среди других произведений Во. Тем не менее он также достаточно исследован, но лишь в зарубежной критике⁵. Отечественное литературоведение до сих пор обходит его стороной.

В своей работе мы хотим обратиться к исследованию образа главной героини романа – святой Елены, матери императора Константина.

Идея романа зародилась у Ивлина Во во время посещения им Палестины в 1935 г., но лишь в 1950 г. книга была опубликована. Во писал «Елену» дольше, чем любое другое свое произведение, – в общей сложности 15 лет.

Елена, провозглашенная святой еще до того, как в XII в. была официально введена канонизация, известна прежде всего своим подвигом обретения Креста распятия, а также как мать императора Константина, который прекратил гонения на христиан, что привело к принятию христианства как государственной религии Римской империи при правлении следующего императора, Феодосия.

Работая над романом, Ивлин Во обращался ко многим авторитетным историческим источникам, как христианским, так и иудаистским, чтобы узнать больше о жизни в Римской империи IV в. Однако он не ставил себе целью написать исторический роман, поэтому в описании жизни самой Елены, о которой сохранилось крайне мало информации, часто отходил от общепринятого мнения, например сделав Елену уроженкой Британских островов. Такая версия была выдвинута Гальфридом Монмутским, но не нашла подтверждения ни у кого из авторитетных историков.

Когда роман был закончен, Во утверждал, что это самое лучшее произведение, которое когда-либо было или будет им создано. Так пишет об этом близкий друг и биограф Ивлина Во Кристофер Сайкс: «Ивлин до конца своей жизни верил, что “Елена” является его лучшей книгой и достойным произведением художественной литературы, которое сочетает в себе хорошую композицию, допустимое количество вымысла, понимание описываемого в ней исторического периода и власти, господствовавшей в то время»⁶.

Равнодушные читатели и критики по отношению к «Елене» стало одним из самых сильных разочарований в литературной карьере Во. Многие были недовольны спокойным, мягким тоном книги, так не похожим на стиль его сатирических произведений. Хотя нельзя сказать, что роман полностью лишен иронии, но в центре повествования – положительная героиня, к которой автор относится серьезно, так как именно через историю ее жизни раскрывает тему, являющуюся ключевой для всего его мировоззрения, – тему призвания.

Роман описывает 60 лет жизни императрицы Елены, которая в начале романа предстает перед читателем юной девушкой, дочерью короля Коля (историческая фигура и фольклорный персонаж в истории кельтской Британии) с задворок Римской империи – территории современной Англии. Слушая, как учитель читает ей вслух выдержки из «Илиады», она мечтает о том, что когда-нибудь, когда вырастет, поедет на поиски Трои и откопает город из руин.

Еще одна мечта Елены – побывать в Риме, и в надежде исполнить ее она соглашается выйти замуж за молодого римского офицера Констанция, которого служба забросила в эту окраинную римскую провинцию.

Однако, уехав с Константином, Елена оказывается одна в другой римской провинции и постепенно осознает, что ее муж – совсем не тот, кем представлялся ей в начале. Он одержим стремлением к власти, которой добивается любыми способами. Пока успех не пришел к нему, Константин начинает участвовать в религиозных обрядах таинственного культа Митры, но как только император назначает его своим наместником в одной из частей империи, он оставляет свои религиозные увлечения. Оставляет он также и Елену, из политических соображений женившись на дочери императора.

Уже немолодая Елена находит спокойствие в занятии обустройством своих иллирийских поместий, разочарованная, скептическая, интересующаяся только жизнью своего сына Константина, который, как и отец, мечтает стать императором, уехал из дома на поиски славы.

Елена недоверчиво относится к различным популярным в то время религиозным культам, но встретив христианского философа Лактанция (реальный исторический персонаж), она вскоре приходит к вере и принимает крещение.

Уже на склоне лет Елене удается попасть в Рим. Ее искренняя вера контрастирует с лицемерной игрой Константина, который к этому времени уже стал императором, и его жены Фавсты. Именно в Риме Елена осознает свое призвание – отправиться в Святую землю на поиски истинного Креста распятия. Ей это удается, и роман заканчивается тем, что, будучи уже пожилой женщиной, Елена исполняет то, для чего была создана, – находит Крест Господень и тем самым доказывает реальность существования Богочеловека.

Образ Елены необычен для творчества Ивлиина Во. Ни до, ни после написания «Елены» в его произведениях нельзя найти аналогичных героинь. Героини сатирических романов Во вообще дают критикам повод обвинять писателя в женоненавистничестве, хотя в более психологизированных произведениях ему прекрасно удавались и образы добрых, наивных, кротких, несчастных женщин. Образ Елены разработан не как иллюстрация жития святой, а как психологически убедительный женский образ с использованием

всей усложненной техники современного романа. На множество прочих персонажей книги автор направляет свой сатирический пафос, но на Елену его ирония не распространяется.

Несмотря на то что лишь в конце жизни Елена совершает то, в чем было ее предназначение (а для Ивлиина Во предназначение – это скорее конкретное дело, которое человек должен совершить, нежели то, каким он должен быть на протяжении всей жизни), вся ее прежняя жизнь – это постепенная подготовка к этому подвигу.

Уже в юности, слушая, как раб-учитель Марсий читает ей «Илиаду», Елена начинает интересоваться тем, чем редко интересуются юные девушки. Она задает учителю вопрос о том, возможно ли найти стены Трои, и не может поверить, что от города остались лишь поэтические воспоминания. Не удовлетворившись расплывчатыми ответами учителя, она уверенно заявляет: «Почему их не раскопают? Должно же было хоть что-то остаться от Трои – там, в земле, под новым городом и толпами туристов! Когда мое учение кончится, я поеду и отыщу настоящую Трои – ту, где жила Елена»⁷.

Во предвосхищает будущее своей героини, и хотя много лет Елена будет в бездействии, мечта о том, чтобы откопать (в буквальном и метафорическом смысле) доказательства реального существования великой легенды, даст о себе знать, но уже в совсем иных обстоятельствах.

Любовь Елены к проверенным фактам, ее практический склад ума и с годами все усиливающийся консерватизм – анахронизмы, заложенные в самом ее характере и неразрывно связывающие ее с родной для Ивлиина Во английской культурой. Автор наделяет свою героиню национальным английским характером тогда, когда о британской идентичности не могло еще идти и речи.

Больше всего, пожалуй, это проявляется в ее отношении к религии. Скептическая и недоверчивая, она, кажется, неспособна поверить тому, что не имеет точного фактического обоснования, а любая религия требует именно такой веры. По этому критерию исторической достоверности Во проводит границу между христианством, к которому в итоге приходит Елена, и всеми другими религиями, встречающимися ей в жизни.

До того как христианство стало государственной религией Римской империи, на ее территории существовало огромное количество различных вероучений. Официальная языческая религия находилась в упадке, на ее место приходили мистические тайные культы. Римское многобожие, отличавшееся от греческого отсутствием системности, в итоге пришло к почитанию императора как единого божества, что в некотором смысле предвляло монотеизм. Одним из популярных восточных мистических культов того времени был персидский культ Митры, последователем которого в романе является муж Елены Константин.

Ожидая удобного случая, чтобы вступить в борьбу за власть, а пока живя вдали от военных действий, Констанций находит прибежище и временный смысл в тайном культе Митры. После долгих уговоров он все же излагает жене основы своей веры, которые вызывают у нее множество вопросов.

«— Где все это случилось? Ты говоришь, бык спрятался в пещере, а потом из его крови был сотворен весь мир. А где была эта пещера, если самого мира еще не было?

— Это какой-то детский вопрос.

— Разве? И потом — когда все это произошло? Откуда ты об этом знаешь, если никого тогда не было? <...> Я хочу понять — ты в самом деле всему этому веришь? То есть, веришь, что Митра убил этого своего быка, как веришь, что твой дядя Клавдий перебил готов?» (127–128).

Задав вопрос, верит ли Констанций в истории о Митре так же, как он верит в былые подвиги своего знаменитого дяди, Елена попадает в самую точку, одновременно открывая сердцевину своего поиска. Религия для Констанция — это игрушка, которой он заполняет вдруг образовавшуюся пустоту в период между военными кампаниями. Это не его подлинная духовная жизнь, не мировоззрение, пронизывающее все другие сферы жизни, но лишь увлечение. Сразу же после этого эпизода, буквально на той же странице, мы читаем, как Констанций наконец-то добивается того, о чем мечтал, — становится кесарем. Резкий переход. Игра в религию заканчивается, и начинается настоящая жизнь.

В этом и заключается вопрос Елены — является ли религия для Констанция такой же реальной и живой, как подвиги его дяди, которые годами подпитывали его собственное стремление стать императором. Возможно, он верит и в то и в другое одинаково слепо, лишь используя свою веру как толчок или стимул для собственных действий.

Елена не хочет и не может сделать религию игрой. Она в силу своего характера не способна притворяться, будто верит в то, чего очевидно никогда не существовало и не могло существовать.

Следующий разговор о религии происходит между Еленой и ее бывшим учителем Марсием, который, получив свободу, стал популярным философом, разъезжающим по городам и проповедующим свои взгляды образованным дамам.

Философия Марсия вызывает у Елены, в отличие от других восторженных женщин, лишь смех. Она почти срывает его великолепное выступление своими бестактными вопросами, возмущающими других слушательниц: «Я хотела бы знать вот что. Когда и где все это происходило? И откуда тебе это известно?» (163).

Уже в личной беседе Марсий комментирует вопросы Елены:

«— Но твои вопросы — “Когда? Где? Откуда известно?” — это же детские вопросы.

— Вот потому-то твоя религия, Марсий, мне и не подходит. Если я когда-нибудь найду себе наставника в вере, то это будет такой наставник, который обращался бы к детям» (164–165).

Подобные вопросы Елена задает и Лактанцию, христианскому философу, часто навещающему Елену, и тот, к ее удивлению, отвечает на них весьма конкретно, рассказывая о том, когда, где и кто видел Бога, воплощенного в образе человека. Наконец Елена получает конкретные факты, и хотя это происходит не сразу после разговора с Лактанцием, она становится христианкой.

Создается впечатление, что принятие веры для Елены — это вопрос разума, лишенный каких бы то ни было эмоций. Она принимает именно христианство, потому что оно может быть подтверждено фактами, в отличие от других религиозных систем. Это напоминает покаяние самого Ивлины Во, который в 1930 г. принял католицизм решительно и бесповоротно, но никогда не испытывал по этому поводу особых чувств.

Отец Мартин Дарси, духовный наставник писателя, так свидетельствовал о религиозных исканиях Во накануне его обращения: «Он был человеком глубокой убежденности и ясного ума. Он лишь с помощью разума, без каких-либо эмоций убедил себя в истинности католической веры и в том, что через нее он должен спасти свою душу. Поэтому во время бесед и наставления он всегда хотел знать точное значение и содержание католической веры, и он останавливал меня и обсуждал сложные вопросы, а затем, когда он был удовлетворен ответом, он тут же просил меня продолжать»⁸.

Еще одной особенностью обращения Елены является то, что оно происходит «за сценой». О нем сообщается как бы между прочим, словно принятие христианства — это нечто само собой разумеющееся. Этому можно найти несколько объяснений.

Широко известно крайне отрицательное отношение Во к излишней психологизации в искусстве. По этой причине принятие веры в романе представляется как совершившийся факт, что лишает читателя возможности проанализировать его с психологической точки зрения.

С другой стороны, в том, что такое важное духовное событие занимает в романе так мало места, можно увидеть определенную закономерность, характерную для всего творчества Ивлины Во. Описание жизни верующих в его романах состоит из отдельных эпизодов, из определенных действий и редко создает целостную картину их духовного состояния. Во гораздо легче удавалось писать о религиозном лицемерии, чем об истинной вере. Его биограф Дуглас Лейн Пэйти так пишет об этой особенности: «Стоит отметить, что Елена совершает свое призвание только в конце ее длинной жизни, после чего она исчезает со страниц достоверной истории. Во не был способен создать хорошее описание обычной повседневной

жизни верующего человека, той жизни, которая наступает после обретения веры»⁹.

Тем не менее, несмотря на некую фрагментарность описания духовной жизни Елены, она предстает перед нами посвященной и абсолютно искренней в своих убеждениях. Все же некоторые критики считают, что в создании образа святой Елены Ивлины Во не смог обойтись без характерного для него снобизма, и даже полагают, что своей святостью героиня романа в основном обязана не качествам характера, а своему высокому положению¹⁰.

Однако они упускают из виду подчеркнутое смирение, которое сопровождает Елену на протяжении ее жизни после уверования. Ее покаяние не привлекло ничего внимания, она была лишь одной из многих. Приезжая в Рим, она ощущает себя частью церкви наравне с людьми гораздо ниже ее по статусу и безбоязненно гуляет по улицам столицы, чувствуя, что ее окружают друзья.

Искренность веры Елены наиболее ярко проявляется на фоне чудовищного лицемерия ее сына Константина и его жены Фавсты, на которых жестокий сарказм писателя-сатирика обрушился со всей силой.

С годами Елена все больше укореняется в своем чисто английском консерватизме, так свойственном самому Ивлину Во. Стремление к новому, находящее воплощение в лице Константина и Фавсты, представляется прагматичным и корыстным.

Фавста, серьезно заблуждаясь по поводу характера Елены и желая найти в ее лице союзницу в придворных интригах, вполне искренно беседует с ней на тему религии, с головой выдавая свое лицемерие: «Видишь ли, ни у кого из западных епископов нет ни одной свежей мысли. Они просто говорят: “Такова вера, в которой мы воспитаны. Вот и все”. Я хочу сказать – они не понимают, что нужно идти в ногу со временем» (188). Елена, напротив, с годами лишь все больше углубляется в прошлое, находя в нем ресурсы для изменения настоящего.

В отличие от Елены, привязанной к фактам и традициям, Фавста, стремясь к упрочению своей власти, с легкостью готова извратить не только религиозные доктрины, но и репутацию приближенных императора. Фактически именно она является инициатором убийства внука Елены и сына Константина от первого брака – Криспа. Чудовищная смерть, пугающая своей неотвратимостью и полной бессмысленностью. Искажение фактов, ложь – это воздух, которым дышит Фавста. Автор неслучайно заставляет ее умереть весьма необычной смертью – она задыхается от раскаленного воздуха в парной своей роскошной дворцовой бани. Зайдя слишком далеко в своей лжи и посмеив обвинить в заговоре саму Елену, Фавста навлекает на себя гнев Константина, который хладнокровно приказывает убить ее.

К переменам стремится и император Константин. Желая забыть все совершенные в Риме

преступления, он решает построить на Востоке новую столицу империи, буквально начать все заново: «Тебе, святой отец, остается твой старый Рим, с Петром и Павлом и с катакомбами, полными мучеников. Мы же с самого начала избавимся от всех воспоминаний о трудных временах – и начнем все сначала в чистоте, в духе Божественной Мудрости и Мира» (249).

Константин наивно полагает, что постройка Константинополя искупит его прежние грехи. Он отрекается от истории и хочет начать новую жизнь, но со старым мировоззрением. Своим действием он фактически пытается отрицать доктрину первородного греха, без которой Во не представлял христианства. По мнению Мартина Стеннарда, «для Елены (и для Во) Константин является представителем вечной ошибочности гуманизма»¹¹.

Услышав об идее сына построить новый город, Елена еще больше укореняется в своем консерватизме:

«– Я не люблю нового, – сказала Елена. – Как и все в той стране, где я родилась. Мне не нравится идея Константина основать Новый Рим. Он будет чист и пуст – как тот дом из Писания, незанятый, выметенный и убранный, куда вселяются нечистые духи. <...> Ведь мудрость и Мир нельзя призвать, когда захочешь, построить для них дома и запереть их там, – продолжала Елена. – Они же существуют не сами по себе, а в людях, верно? По мне, настоящие кости мучеников лучше» (250–251).

Приехав в Рим, Елена осуществляет свою детскую мечту побывать в столице империи. Но здесь она сталкивается с искажением основных доктрин христианства, в которое неожиданно начали вливаться люди, желающие использовать религию в своих целях, как Фавста, и не отказавшиеся от языческих мировоззрения и привычек, как Константин. Елена начинает искать решение в прошлом и отправляется на поиски Креста распятия, который должен убедить сомневающихся в истинности искупления и невозможности извращать факты как заблагорассудится. Она неожиданно осознает свое предназначение и, уверенная в том, что Бог хочет от нее именно этого, едет в Палестину.

В поисках Креста снова проявляются «мужская» хватка Елены, ее серьезное отношение к делу и полная отдача своей миссии. Однако при всем этом она не может самостоятельно обнаружить местонахождения Креста, скольких бы людей ни расспрашивала и как бы ни руководствовалась здравым смыслом. Несмотря на свою железную, совсем не женскую логику и любовь к фактам, она нуждается в божественной помощи. Елена узнает о расположении Креста во сне, посланном ей Богом.

С одной стороны, в этом можно увидеть непоследовательность. В рациональном мышлении Елены вдруг появляется место для субъективного откровения. С другой стороны, такое решение

проблемы вполне вписывается в христианскую доктрину о неспособности человека творить добрые дела без Бога и потребности в водительстве Божьем.

Одним из ключевых мест в романе является молитва Елены трем волхвам, с опозданием пришедшим преподнести дары младенцу Христу: «Вы мои небесные покровители, – сказала им Елена. – Покровители всех, кто приходит слишком поздно, всех, чей путь к истине долог и труден, всех, кто отягощен ненужными знаниями и праздными рассуждениями, всех, кто из вежливости становится соучастником преступления, всех, кто оказывается жертвой собственных талантов» (289–290).

История о волхвах глубоко трогала самого Ивлину Во, для которого праздник Епифани, посвященный этому событию, был одним из любимых. Образ волхвов близок и Елене, которая так же выполнила свое предназначение, найдя Крест, и тем самым завершила свой долгий путь к истине. Она так же очень много знала, и во многом это знание, как и ее высокое положение, было препятствием на пути к вере. Она так же косвенно участвовала в злодеяниях сына, видя их и будучи неспособной остановить его. Но последнюю строчку этой молитвы можно отнести скорее к самому Ивлину Во, который во многом стал «жертвой своего таланта», давшего ему способности гениального сатирика, но постоянно разрушавшего его отношения с людьми.

Образ Елены в целом близок Ивлину Во, который наделяет ее нестандартной святостью. Действительно, Елена в романе вовсе не похожа на «классическую» святую, что стало неожиданным для некоторых читателей, в том числе католиков. В ее характере посвященность и искренность сочетаются с приземленностью и скептичностью. Но именно эти качества оказываются необходимыми для того, чтобы она совершила то, для чего была создана. Образ святой Елены вдохновил писателя на создание характера, иллюстрирующего его понимание божественного предназначения каждого человека: «Мне нравится святость Елены, потому что она не похожа на все современные представления о святости. Ее не бросали на съедение львам, ее жизнь не была посвящена созерцанию, она не была бедной и голодной, она не выглядела как Эль Греко. Она просто поняла, для чего Бог избрал ее, и исполнила свое призвание, доказав физический исторический факт искупления»¹².

Хотя Елена находится буквально в центре тьмы, придворных интриг, ереси, обмана и сама чуть не становится жертвой заговора, все же она четко, не отклоняясь от курса, преследует одну цель – выполнить свое предназначение и утвердить с помощью прошлого истинность физического искупления – ту доктрину, которая вызывала больше всего нападок еретиков.

«Елена» – пожалуй, самый оптимистичный из всех романов Ивлины Во. Несмотря на

мрачную атмосферу Римской империи IV в., наполненную политическими интригами и убийствами, в романе присутствует надежда. Образ святой Елены можно считать одним из ключевых в творчестве Во как католика, потому что с его помощью он выразил идею, являющуюся центральной в его мировоззрении: человек создан для выполнения определенного, часто очень конкретного предназначения, возложенного на него самим Богом.

Примечания

- 1 См.: *Во И. Незабвенная* / пер. с англ. Б. Носика // Иностранная литература. 1969. № 2.
- 2 См.: *Davis R. M. Evelyn Waugh, Writer*. Norman, 1981; *Stopp F. Evelyn Waugh: Portrait of an Artist*. Boston, 1958.
- 3 См.: *Patey D. L. The life of Evelyn Waugh: a critical biography*. Blackwell, 2001; *Stannard M. Evelyn Waugh: in 2 vols*. N. Y.; Norton. Vol. 1. The Early Years. 1986; Vol. 2. Evelyn Waugh: The Later Years. 1992; *Sykes Ch. Evelyn Waugh: A Biography*. L., 1975.
- 4 См.: *Davis R. M. Brideshead Revisited: the Past Redeemed*. Twayne Publishers, 1990; *Vitis A. A. de. Roman holiday: the Catholic novels of Evelyn Waugh*. AMS Press, 1971; *Griffiths R. The pen and the cross: Catholicism and English literature, 1850–2000*. Continuum International Publishing Group, 2010; *Wirt A. The loss of traditional values and continuance of faith in Evelyn Waugh's novels: A Handful of Dust, Brideshead Revisited, and Sword of Honour*. P. Lang, 1990.
- 5 См.: *Vitis A. A. de. Op. cit.*; *Lane C. W. Evelyn Waugh*. Twayne Publishers, 1981.
- 6 «Evelyn, to the end of his life, believed Helena to be his best book, combining good construction, permissible invention, grasp of the period dealt with and the authorities upon it, in a satisfying work of fiction» (*Sykes Ch. Evelyn Waugh: A Biography*. Collins, 1975. P. 318).
- 7 *Во И. Елена* / пер. с англ. А. Иорданского. М., 2010. С. 18. Далее цитируется это издание с указанием страниц в тексте.
- 8 «He was a man of a very strong conviction and a clear mind. He had convinced himself very unsentimentally – with only an intellectual passion, of the truth of the Catholic faith, and that in it he must save his soul. Hence in his instructions or talks he always wanted to know exactly the meaning and content of the Catholic faith, and he would stop me, raise difficulties, – then immediately he was satisfied, he would ask me to go on» (*Sykes Ch. Op. cit.* P. 108).
- 9 «But it is notable that Helena completes her vocation only at the end of a long life, after which she ‘sail [s] away, out of authentic history’. Waugh was never able to give satisfying imaginative form to an ordinary, active life of faith, to the life that comes after vocation is recognized» (*Patey D. L. Op. cit.* P. 299).
- 10 См.: *Evelyn Waugh and His World* / ed. by D. Pryce-Jones. L., 1973; *O’Faolein S. The Vanishing Hero. Studies in the Novelists of the Twenties*. L., 1956.

¹¹ См.: Stannard M. Evelyn Waugh : The Later Years. N. Y., 1992. P. 278 (to Helena (and to Waugh), Constantine represents the eternal humanist fallacy).

¹² «I liked Helena's sanctity because it is in contrast to all the moderns think of sanctity. She wasn't thrown to the lions,

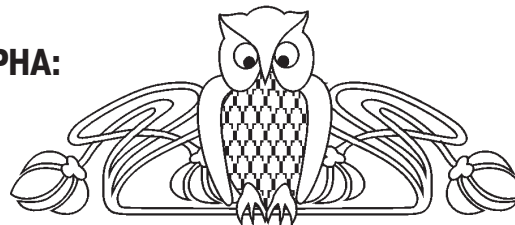
she wasn't a contemplative, she wasn't poor and hungry, she didn't look like an El Greco. She just discovered what it was God had chosen for her to do and did it ... by going straight to the physical historical fact of the redemption» (Waugh E. Letters. Penguin, 1982. P. 339).

УДК 82.02:316.334.56

ОБРАЗ ГОРОДА В ЛИТЕРАТУРЕ ПОСТМОДЕРНА: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

И. В. Липчанская

Саратовский государственный университет
E-mail: lipcha87@gmail.com

Образ города в произведении какого-либо писателя, в той или иной национальной традиции является частым предметом литературоведческих исследований. Чтобы расширить границы вопроса о влиянии города на литературу, о поэтике урбанизма в литературе, в данной статье рассматриваются ключевые аспекты города как социально-культурного феномена в гуманитарной теории с привлечением работ западноевропейских и американских теоретиков урбанизма.

Ключевые слова: город, мегаполис, урбанизм, модернизм, постмодернизм.

To the Problem of the City Image in Postmodern Literature

I. V. Lipchanskaya

The image of the city often becomes a subject of literary studies. The article aims at expanding the issue of urbanism poetics and city influence in literature. The author investigates key aspects of the city as a socio-cultural phenomenon with the help of the works by Western and American urban theorists.

Key words: city, metropolis, urbanism, modernism, postmodernism.

Литературоведы, ставя вопрос о влиянии города на литературу, обычно рассматривают образы городов в конкретных произведениях отдельных авторов, образы великих городов в определенной национальной традиции, изменения в человеческом восприятии и психологии, происходящие под влиянием урбанизма и влекущие за собой перемены в форме литературных произведений. Привлечение работ теоретиков города как социально-культурного феномена позволяет расширить этот традиционный круг вопросов и дать основания для более детального рассмотрения поэтики урбанизма в современной литературе.

Современная теория города ведет отсчет от работ немецкого социолога и теоретика культуры Георга Зиммеля (1858–1918). Житель одного из самых динамичных мегаполисов рубежа XIX–XX вв., Зиммель первым начал писать о своеобразной атмосфере больших городов, их повышенной энергетике, об отпечатке, который город накладывает на его жителей. Применительно к литературе его труды позволяют наиболее полно

и емко интерпретировать образ города в произведениях писателей-модернистов.

В ключевом эссе «Большие города и духовная жизнь» («Die Grossstadt und das Geistesleben», 1903) Г. Зиммель анализирует влияние внешней социальной среды на психологию личности. Немецкий социолог одним из первых усматривает связь между городским образом жизни и тем новым типом личности, характерным для рубежа XIX–XX столетий, которому предстояло стать героем модернистского романа¹. Его особенно интересовали репрезентации города, а также некоторые черты мегаполиса, например восприятие городской жизни человеком, пространственные измерения большого города, связь экономики, денежного хозяйства и городской культуры.

Сравнивая жизнь в больших и малых городах (деревнях как форме до-урбанистской реальности), Г. Зиммель отмечает «преобладание интеллектуального характера душевной жизни в больших городах сравнительно с малыми городами»². Он обращает внимание на связь между жизнью в большом городе и психологией его обитателей. «Психологическая основа, на которой выступает индивидуальность большого города, – это повышенная нервность жизни, происходящая от быстрой и непрерывной смены внутренних и внешних впечатлений»³. Эта цепочка сменяющих друг друга одномоментных впечатлений, которую рождает городская среда, приводит к возникновению нового типа личности, вынужденного выработать новые механизмы психологической защиты. Одним из таких механизмов становится преобладание интеллекта над чувством, индивид теперь «реагирует не чувством, а преимущественно умом»⁴. Несмотря на перенаселенность мегаполиса и большое количество каждодневных социальных контактов, личность в большом городе оказывается крайне индивидуализированной. Зиммель подчеркивает, что «нет, быть может, другого такого явления душевной жизни, которое было бы так безусловно свойственно большому городу, как бесчувственное равнодушие»⁵ – результат духовной разобщенности жителей мегаполиса.